

Научная статья

УДК 929:52

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-1/152-165>

Александр Арсеньев и его участие в экспедиции 1912–1913 гг. К 150-летию со дня рождения В.К. Арсеньева

Наталья Владимировна Хисамутдинова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

***Аннотация.** На основе воспоминаний Александра Клавдиевича Арсеньева, младшего брата известного исследователя Дальнего Востока, путешественника и писателя В.К. Арсеньева (1872–1930), излагаются ранее неизвестные подробности об экспедиции 1912–1913 гг. (Уссурийской). Из-за ее секретного характера – поиск и выселение из края нелегально проживающих китайцев и корейцев – отчет о результатах экспедиции не публиковался, а путевой дневник ее руководителя – В.К. Арсеньева не сохранился. А.К. Арсеньев участвовал на начальном этапе похода в качестве вольнонаемного препаратора. Хотя в воспоминаниях он не раскрыл подлинных целей операции, назвав ее «экспедицией по изысканию старинных памятников», его рукопись позволяет выяснить условия, в которых проходило путешествие, понять отношения между коренным населением Южно-Уссурийского края и нелегально проживающими здесь китайцами и корейцами, узнать о научных интересах старшего брата (археологических и этнографических), которым он уделял внимание в экспедиции. В рукописи раскрыты и некоторые личностные качества В.К. Арсеньева и его спутников. В целом воспоминания А.К. Арсеньева являются ценным источником сведений как об экспедиции, так и о В.К. Арсеньеве. Наряду с данной информацией в статье содержатся факты из биографии А.К. Арсеньева (1983–1962). Будучи выпускником Константиновского межевого института в Москве, он приехал вместе с В.К. Арсеньевым в Хабаровск в 1911 г. для работы в Переселенческом управлении и в течение нескольких десятилетий (до 1940-х гг.) жил и работал на Дальнем Востоке, поддерживая тесную связь с семьей В.К. Арсеньева до его смерти в 1930 г.*

***Ключевые слова:** В.К. Арсеньев, Александр Клавдиевич Арсеньев, экспедиция 1912–1913 гг. (Уссурийская), археологические памятники, коренные народности Дальнего Востока.*

***Для цитирования:** Хисамутдинова Н.В. Александр Арсеньев и его участие в экспедиции 1912–1913 гг. К 150-летию со дня рождения В.К. Арсеньева // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. № 1. С. 152–165. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-1/152-165>.*

Original article

Aleksandr Arseniev, the traveller's brother, and the expedition of 1912–1913: to the 150th V.K. Arseniev's anniversary

Natalia V. Khisamutdinova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

***Abstract.** The article is based on the memoirs of Alexander Klavdievich Arseniev, the younger brother of the famous explorer of the Far East, traveller and writer V.K. Arseniev. It reveals some previously unknown details about the expedition of 1912–1913 known as Ussuriyskaya.*

© Хисамутдинова Н.В., 2022

Due to its secret nature – searching and expulsion from the region of illegal Chinese and Korean people, who interfered with the accelerated development of the territory – the expedition resulting report has not been published, and the travel diary of its leader V.K. Arseniev has not been preserved. A.K. Arseniev participated in the initial stage of the campaign as a civilian preparator. Although his memoirs did not reveal the true goals of the journey, calling it "an expedition to find ancient monuments", the manuscript allows to find out the conditions of the travel, understand the relations between the local indigenous population and the Chinese and Korean people, and learn about Vladimir Arseniev's academic interest in this journey, mostly archaeology and ethnography, which resulted in some significant findings. Some V.K. Arseniev's and his companions' personal features are also revealed in the article. In general, A.K. Arseniev's memoirs are a valuable source of information about both the expedition and V.K. Arseniev. Along with these details, the article contains facts of A.K. Arseniev's biography (1983–1962). A graduate of the Konstantinovsky Mezhevoy (Land Survey) Institute in Moscow, he came with his brother to Khabarovsk in 1911 to work at Pereselencheskoye Upravlenie (the Resettlement Administration). Through several decades, up to the 1940s, he lived and worked in the Far East, having close contacts with V.K. Arseniev's family (till 1930).

Keywords: Aleksandr Arseniev, Vladimir Arseniev, expedition of 1912–1913 (Ussuriyskaya), archaeological sites, indigenous peoples of the Far East.

For citation: Ckhisamutdinova N.V. Aleksandr Arseniev, the traveller's brother, and the expedition of 1912–1913: to the 150th V.K. Arseniev's anniversary // *The Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2022. № 1. P. 152–165. DOI: <https://doi.org/10.24866/NVSU/2073-3984/2022-1/152-165>.

Введение. 2022 год в России объявлен годом Владимира Клавдиевича Арсеньева, что является свидетельством признания его заслуг в освоении и изучении дальневосточной российской территории. Действительно, прибыв в 1900 г. поручиком на Дальний Восток для службы в Первом владивостокском крепостном пехотном полку, через десять лет он на равных с известными учеными обсуждал вопросы этнографии и археологии Дальнего Востока, а к 1930-му, последнему году жизни, имел изданными двадцать книг и более 60 статей на темы, актуальные для развития дальневосточной территории. Пешком и верхом на лошади Арсеньев обошел все Приморье, оставив после себя не только карты и описания этих мест, но и прекрасные научно-популярные произведения.

Будучи внимательным и пытливым исследователем, он привозил из экспедиций помимо сведений, имеющих военное значение, материал из самых разных научных сфер: ботаники и зоологии, экономики и географии, истории и этнографии, геологии и метеорологии. Эти наблюдения представляли огромную ценность для освоения Дальнего Востока в то время и не потеряли своего значения по сей день. Отмечаемый в 2022 г. арсеньевский юбилей, 150-летие со дня рождения, близок поэтому представителям всех научных отраслей, в изучение которых внес вклад этот неутомимый подвижник.

Теоретическая база исследования. Может показаться, что арсеньевская тема исчерпана. О путешествиях В.К. Арсеньева рассказывают его книги, в которых подробно изложены маршруты разных лет, описаны природа Приморского и Хабаровского краев и народности этих мест. Множество работ создано и о самом путешественнике. Авторы сообщают факты его биографии и описывают экспедиции [7–10], анализируют научные интересы и вклад в изучение археологии, этнографии, биологии, географии Дальнего Востока [1, 5, 7], рассматривают

его творческий почерк как автора литературных произведений [8, 12]. Тем не менее в последние годы мы увидели как новые издания работ В.К. Арсеньева [3], так и книги, пополнившие арсениеведение новыми темами [6, 11].

Несмотря на большое внимание исследователей к жизни и творчеству Арсеньева, некоторые аспекты остаются недостаточно освещенными. Так, лишь в немногих публикациях есть данные, очень краткие, о родных В.К. Арсеньева, в частности о его младшем брате Александре. Очень мало сведений имеется и об экспедиции 1912 – начала 1913 г. (Уссурийской). По причине ее секретного характера – поиск и выселение из края нелегально проживающих иностранцев, прежде всего хунхузов и браконьеров – отчет о результатах экспедиции не был опубликован, а ее ход не освещался прессой. Обычно Арсеньев выполнял просьбы редакторов местных газет присылать для публикации сообщения с маршрута, но на этот раз он ограничился тремя письмами-заметками о начальном этапе похода. Их напечатала летом 1912 г. газета «Приамурье» (Хабаровск), а позднее они были включены в книгу «Жизнь и приключения в тайге» [2; 3, с. 45–59].

Подробные сведения о походах обычно содержат путевые дневники Арсеньева, но записи с маршрутов 1912–1913 гг. не сохранились за исключением нескольких. В этих обстоятельствах большую ценность как источник сведений об экспедиции представляет рукопись воспоминаний Александра Клавдиевича Арсеньева «Путевые наброски экспедиции В.К. Арсеньева в 1912 г. по р. Сучану и Даубихэ с целью нахождения памятников по изучению древнейшей истории Уссурийского края», хранящаяся в архиве Общества изучения Амурского края (ОИАК) (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. 16 л.). Участвуя в начальном этапе путешествия в качестве вольнонаемного препаратора, А.К. Арсеньев оставил свидетельства об условиях, в которых оно проходило, о научных интересах брата и лицах, сопровождавших его. В целом воспоминания являются ценным дополнением к сохранившимся рапортам и докладным запискам (докладам) В.К. Арсеньева, в которых изложены проекты маршрутов и состав отряда, а также мысли путешественника по поводу борьбы с хунхузами и помощи инородцам.

Результаты исследования. Александр Арсеньев родился 10 (22) сентября 1883 г. в Санкт-Петербурге и был восьмым ребенком из десяти, включая приемную дочь, у Руфины Егоровны и Клавдия Федоровича Арсеньевых. Так как Александр был гораздо младше своих братьев Анатолия и Владимира, он не мог участвовать в их играх и походах, которые, как писали биографы В.К. Арсеньева, развили в мальчиках любовь к путешествиям и исследованиям. Тем не менее, думается, сыграло роль семейное воспитание и влияние отца, сторонника самообразования, добившегося успехов благодаря трудолюбию. Начав с должности кассира на Николаевской железной дороге (Петербург – Москва), в 1885 г. он стал начальником конторы прибытия в Петербурге, а в 1913 г. после 45 лет безупречной службы ушел в отставку начальником Московской окружной железной дороги [9, с. 101].

Отец хотел для сыновей инженерной карьеры, но ни старший Анатолий, ставший моряком, ни Владимир не оправдали его надежд. Зато Александр поступил в Константиновский межевой институт в Москве – в то время единст-

венное в России высшее учебное заведение, выпускавшее специалистов по землеустройству, геодезии и картографии. Он «хорошо учился, замечательно чертил карты и рисовал... Был невысок, красив, благородное лицо, выразительные глаза, военная выправка...» [4, с. 288]. В годы Первой русской революции (1905–1907) юноша участвовал в студенческих волнениях и попал в поле зрения полиции, что грозило отчислением из института. Этого не случилось, и окончить институт ему удалось, но, по воспоминаниям, Александр «испортил себе карьеру бунтарством» [4, с. 303]. Свидетельств, в чем конкретно это проявлялось, не сохранилось, но известно, что на протяжении всей жизни В.К. Арсеньев проявлял беспокойство о младшем брате и опекал его [11, с. 9].

Получив диплом межевого инженера, Александр Арсеньев работал землемером на строительстве железной дороги Москва – Вологда [11, с. 10], когда в Москву приехал Владимир Клавдиевич. Путешественник только что провел около двух месяцев в Петербурге, выступив с докладами о древней истории Уссурийского края и населявших его народах в Императорском Русском географическом обществе и Офицерском собрании. В Русском музее Императора Александра III в те дни работала Общероссийская этнографическая выставка, на которой была выставлена и коллекция предметов быта коренных дальневосточных народов, собранная Арсеньевым и подаренная музею. Позднее путешественник получил за нее серебряную медаль, а Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии избрало его своим действительным членом (октябрь 1911 г.) [10, с. 48].

Перед возвращением домой Арсеньев заехал в Москву повидаться с родными и предложил младшему брату поехать с ним на Дальний Восток, где работы для межевого инженера было предостаточно. «Я согласился, – вспоминал Александр, – и в начале марта 1912 г. мы выехали во Владивосток» (АОИЯК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 2).

Не случайно биограф В.К. Арсеньева А.И. Тарасова высказывала сомнение в достоверности некоторых фактов из воспоминаний А.К. Арсеньева [9, с. 9]. Они были написаны спустя 50 лет после его приезда на Дальний Восток, и мелкие детали могли позабыться. Не точно, в частности, указаны год переезда и пункт назначения: штабс-капитан В.К. Арсеньев в то время жил в Хабаровске и служил (с июля 1906) в 23-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. Одновременно с июля 1910 г. он занимал общественную должность директора Хабаровского музея имени Н.И. Гродекова [9, с. 301]. Семья Владимира Клавдиевича – жена Анна Константиновна и сын Владимир (Воля) 1900 года рождения – снимали квартиру в доме на углу улиц Муравьева-Амурского и Яковицкой (ныне Шеронова). Александр поселился с ними. В честь его приезда около дома посадили ясень [4, с. 314].

По возвращении из Петербурга в Хабаровск штабс-капитана Арсеньева ждала новая должность: в конце апреля 1911 г. его назначили производителем работ Уссурийской межевой партии в Переселенческом управлении Главного управления землеустройства и земледелия. Это было весьма привилегированное положение: находясь на гражданской службе, он сохранял военные льготы

(чинопроизводство и довольствие), имея при этом возможность заниматься исследованиями по своему собственному плану. Устроиться на работу в Переселенческое управление Арсеньев предложил и брату. Работы там действительно было много. После бесславной для России Русско-японской войны власти обратили внимание на дальневосточную окраину. Укрепление Уссурийского края в военном отношении предполагало и ускоренное хозяйственное освоение территории, которая оставалась крайне слабо изученной.

«В Переселенческом управлении, – вспоминал Александр, – куда я подал заявление о приеме меня на землеустроительные работы, сообщили, что набор землемеров будет производиться в первой половине мая, по получению из Петербурга соответствующих на эту цель кредитов. Чтобы ознакомиться с природой Южно-Уссурийского края, брат предложил мне, в это свободное время, отправиться с ним в экспедицию по изысканию старинных памятников, с целью изучения древнейшей истории Уссурийского края. Я с удовольствием принял его предложение, и в конце марта 1912 г. мы отправились в верховье реки Сучан (ныне р. Партизанская. – *Примеч. Н.Х.*)...» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 3). Так Александр Арсеньев стал участником Уссурийской экспедиции 1912–1913 гг. Из его воспоминаний понятно, что речь идет именно о ней, но летом 1911 г., что хронологически ближе к приезду Арсеньева-младшего в Хабаровск, В.К. Арсеньев тоже был в путешествии по краю (20 июня – 25 ноября), руководя отрядом по борьбе с хунхузами. Возможно, Александр участвовал неофициально и в нем.

Истинной целью экспедиции 1912–1913 гг., ставшей для В.К. Арсеньева продолжением предыдущей, было вовсе не «изыскание старинных памятников», а поиск и выдворение нелегально проживающих в таежных районах китайцев и корейцев, прежде всего хунхузов и браконьеров, мешавших колонизации Уссурийского края. Эти задачи держались в строжайшем секрете, так как китайцы имели широкую сеть осведомителей и могли узнать об экспедиции еще до ее начала, поэтому о планах арсеньевского отряда не знало даже местное начальство. В экспедицию отправились более 20 человек. Помимо братьев Арсеньевых в ее состав вошли горные инженеры С.А. Петров и Н.М. Ощепков, помощник Ольгинского лесничего П.М. Бардуков (на разных этапах к отряду примыкали и лесничие других районов), П. Савин, препаратор Усов, два студента Санкт-Петербургского археологического института, шесть стрелков из охотничьей команды 36-го стрелкового полка, девять «нижних чинов» (городовых из Владивостока), переводчик А.А. Шильников. Переводчиком мог быть и В.М. Шевелев, в совершенстве владевший китайским и маньчжурским языками. Будучи сыном известного владивостокского предпринимателя и востоковеда-любителя М.Г. Шевелева, он интересовался прошлым Уссурийского края и собирался показать Арсеньеву остатки старинных укреплений. Александр числился в составе экспедиции вольнонаемным препаратором, «добровольным наблюдателем», как он назвал себя в воспоминаниях.

Официальное название экспедиции и число археологов в ее составе подтверждают научные задачи похода, в частности археологические изыскания.

Вместе с тем наличие горных инженеров и специалистов по лесному хозяйству свидетельствует о комплексном характере путешествия. Именно такими были все экспедиции Арсеньева. Наряду с основными задачами он из года в год продолжал сбор материала о ресурсах, климате и населении территории, делал съемки местности и составлял карты, собирал гербарии, этнографические и зоологические коллекции.

В первой путевой заметке с маршрута В.К. Арсеньев рассказал о селе Крестовом, сборном пункте всех членов экспедиции, выразив беспокойство участвовавшими лесными пожарами: «Уже и теперь старожилы стали замечать, что реки стали сильно размывать берега, начали отмывать хлебородные земли и заносить пашни песком и камнями. Они стали замечать и то, что после дождей вода быстро скатывается с гор в реки. Раньше после дождей вода в реках поднималась на вторые, даже на третьи сутки. Теперь – гораздо скорее: если утром шел дождь, к вечеру, ночью и, в крайнем случае на следующее утро, надо ждать подъема воды в реке. И не мудрено! Верховья всех рек уже обезлесены. Уссурийский край горит!... Если так будет продолжаться, край очень скоро очутится без лесов, но зато с очень стремительными наводнениями» [3, с. 46].

Эти опасения путешественника подтвердились уже в начале похода: сильный дождь, заставивший отряд отложить выход на день, сделал дорогу труднопроходимой. «Тропа, по которой двигалась небольшая экспедиция Владимира Клавдиевича, – писал А. Арсеньев, – проложенная по левому берегу реки Сучан, представляла собою, после таяния снега и весенних дождей, разжиженную торфяную почву. Люди и вьючные лошади по колено увязали в грязи, спотыкаясь о невидимые корни деревьев, залитые водою» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 6).

О трудностях маршрута, связанных с лесными пожарами, сообщает и другой фрагмент воспоминаний: «Тропы не было. Вся береговая полоса представляла собою гарь. Видимо, по этому месту прошел сильный пал. Поваленные друг на друга деревья валялись по всему пространству лесного пожара, а те, которые еще стояли, напоминали скелеты и цепкими мертвыми сучьями преграждали дорогу. Для передвижения лошадей с вьюками приходилось расчищать дорогу топорами...» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 7).

В первый день, 21 апреля, отряду удалось пройти не более десяти километров. На бивак остановились около деревни Казакевичево. А.К. Арсеньев вспоминал: «Костры догорали. В лагере воцарилась тишина. Только в палатке, занимаемой В.К., при мерцающем свете свечи был виден силуэт Арсеньева, что-то записывающего в путевой дневник» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 7).

Из рассказов участников экспедиций Арсеньева известно о его манере вести наблюдения и полевые записи. По ходу маршрута он останавливался там, где что-то привлекло его внимание, и сразу же делал записи в блокноте. Когда блокнота при нем не оказывалось, он использовал то, что было под рукой: обрывки бумаги или бересту. На биваке, когда отряд ставил палатки и собирал дрова, Арсеньев обычно работал наравне со всеми, а затем садился поближе к костру, доставал большую тетрадь, служившую одновременно и путевым дневником, и рабочим блокнотом, и вносил в нее сведения обо всех событиях дня.

В нее же он клеивал – и во время путешествия, и позже, вернувшись домой, – вещественные свидетельства увиденного в походе: рисунки, планы, фотоснимки, документы, газетные вырезки и даже мелкие вещи. Отдельные тетради имелись только для двух разделов наблюдений: метеорологических данных и астрономических определений пунктов [7, с. 28, 29].

Рукопись Александра Арсеньева показывает, что интерес к наблюдениям был присущ и ему. Воспоминания изобилуют описаниями природы и яркими подробностями, характеризующими путешествие. «Сучан – река горная. Течение ее в половодье так стремительно, что слышно, как по дну ее течение подхватывало небольшие валуны и перекатывало их с места на место. Удобного брода поблизости не было, поэтому решили переправляться там, где река имеет наименьшую глубину. В этом месте глубина реки доходила до пояса человека. Все дно состояло из больших валунов, покрытых скользкой зеленой слизью. Владимир Клавдиевич очень беспокоился за лошадей, которые на камнях могли переломать себе ноги. Для благополучной их переправы необходимо было позаботиться об устройстве надежной опоры. Для этого со свойственной ему отвагой он первым, держа в одной руке шест, а другой волоча конец толстого каната, отправился вброд. За ним на некотором расстоянии, придерживая канат, последовал Захаров (один из стрелков. – *Примеч. Н. Х.*).

Вода была холодная и, как кипятки, обжигала тело. Благополучно перейдя реку, он конец каната закрепил за ствол большого тополя, а на другом берегу Чжан с несколькими китайцами, натянув канат, как струну, закрепил его за скалу возле тропы. Таким образом опора для перехода лошадей через реку была готова. Тем временем Чжан со своими китайцами смастерил большой плот из сухостойных деревьев. Лошадей перевели благополучно. После этого, спустив плот на воду, принялись за перевозку грузов и всего имущества экспедиции... Переправа окончательно завершилась только под вечер...» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 10).

Из рукописи Александра Арсеньева мы узнаем, что проводником в путешествии был Чжан-Бао, чье имя отсутствует в официальных документах экспедиции. Это знакомство не получило такой известности, как дружба В.К. Арсеньева с Дерсу Узала, но, как и она, оставило глубокий след в жизни путешественника. «По дороге брат рассказал мне, что по его расчетам завтра утром к экспедиции должен присоединиться Чжан-Бао со своим отрядом, состоявшим из тазов и китайцев. По его мнению, это был замечательный человек. Энергичный, мужественный и добросовестно выполняющий служебные обязанности по охране тайги и неустанной борьбе с шайками хунхузов, бродивших по Уссурийской тайге и совершавших налеты на русские пограничные переселенческие поселки и ороченские стойбища...» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 8).

Настоящее имя командира отряда, сражавшегося с хунхузами, – Чан-Гин-Чин, а имя Дзен-Пау (Чжан-Бао) переводилось как «охотничий старшина». Рассказы о нем встречаются в нескольких работах В.К. Арсеньева: «Дерсу Узала», «Китайцы в Уссурийском крае», «По Уссурийскому краю». Их первая встреча относится к 1906 г., после чего Чжан-Бао участвовал в ряде арсеньевских экспе-

диций 1907–1909 гг. Отлично зная тайгу и пользуясь авторитетом у местных жителей, он был исследователю незаменимым помощником.

«В эту ночь мне почему-то не спалось, и я вышел из палатки, – вспоминал А.К. Арсеньев. – Ночь была тихая и безветренная. Из разорванных облаков временами показывалась полная луна. Голубоватый трепетный свет причудливыми полосами ложился между деревьями. ...Около одного пылающего костра я заметил одиноко сидящего Чжан-Бао, курившего глиняную с медным мундштуком трубочку и грустными глазами смотревшего на далекие мерцающие звезды. Меня влекло к этому одинокому человеку, потому что в этот момент я был сам одинок. Несмотря на красоту природы Уссурийской тайги, недавно оставленная шумная Москва со всеми пережитыми в ней приятными и неприятными воспоминаниями, давала крепко себя чувствовать.

Я подошел к костру, он немного отодвинулся, приглашая сесть рядом с ним, и подбросил в костер охапку сухих веток. Яркое пламя осветило его лицо, и только тогда я внимательно рассмотрел Чжана. Это был выше среднего роста мужчина 40 лет от роду. Крепкого, здорового телосложения, с порывистыми, резкими движениями. Черные жесткие волосы были подстрижены под бобрик. Большой выпуклый лоб, большие черные немного раскосые глаза из-под черных бровей смотрели на всех и на все внимательно и настороженно. Прямой с горбинкой нос, немного выдающийся подбородок. Все черты его лица говорили о мужественном энергичном характере Чжан-Бао.

Вначале наш разговор как-то не клеился. На все мои вопросы он отвечал односложными отрывчатыми фразами. Говорил он на ломаном русском языке, но вполне понятным для каждого русского человека. Когда же вопрос коснулся его жизни на родине, лицо его сразу приняло жесткое, злобное выражение. По лицу пробежала нервная судорога. Он рассказал мне о себе примерно то же, что по дороге рассказал о нем Владимир Клавдиевич. В конце беседы Чжан с горечью сказал: “Черные дни, которые мне пришлось пережить на родине, я вовек не забуду. Первое время тоска переполняла мое сердце так, что я был близок к самоубийству, но только добрые слова утешения вашего брата капитана Арсеньева и покойного старика Дерсу удерживали меня от этого безумного поступка. С тех пор прошло много лет, а я на чужбине, как изгнанник скитаюсь по глухой тайге, не смея возвратиться на родину. Мое возвращение было бы равносильно добровольно отдать себя в руки палачей на смерть. Но я верю, что настанет тот счастливый день, когда возможно мне будет возвратиться на родину и вступить в борьбу с врагами моего народа и чужеземными захватчиками”. Увлеченные беседой, мы не заметили, как с каждой минутой восток разгорался все ярче и ярче от первых лучей восходящего солнца» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 9). Вернуться на родину Чжан Бао так и не удалось: он был убит в 1913 г.

Новости о хунхузах В.К. Арсеньев услышал уже в первые дни похода: местные жители рассказали, что хунхузы хотели напасть на фанзу-опиокурильню, но узнали о прибытии отряда и спрятались где-то в корейских фанзах. Одного разбойника корейцам удалось задержать, но местные китайцы, как обнаружили путешественники, отнеслись к этому безучастно. Страх перед мстительными

хунхузами и недоверие властям заставляли их терпеть побои и нападения и не обращаться за помощью к русским [3, с. 51].

Знал Арсеньев и о другом случае, иллюстрирующем состояние борьбы с китайскими разбойниками. Как-то крестьяне, узнав от китайцев о наличии в окрестностях села шайки хунхузов, решили предотвратить нападение. Они отыскивали стоянку разбойников и, напав на них первыми, уничтожили их. После этого крестьян держали под надзором почти два года: бесконечно вызывали в суд, отрывая от работы, и тем самым отбили охоту у других крестьян бороться с хунхузами. «Китайцы убеждены, – писал В.К. Арсеньев, – что русские покровительствуют хунхузам или в лучшем случае терпят их, и, если бы пожелали, могли бы давно освободиться от них» [3, с. 52].

Вскоре путешественникам пришлось убедиться, что и среди русских есть разбойники, подобные хунхузам. Как-то около полуночи в фанзу, где ночевал отряд, вбежал человек. «Одежда на нем, – вспоминал А.К. Арсеньев, – была разорвана в клочья. Лицо и руки пришельца были в крови. Казалось, что это был выходец с того света, но нет, это был настоящий, еле живой орочен. Он упал к ногам В.К. Простирая к нему израненные руки, он просил о помощи» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 10).

Поев и напившись чая, орочен пришел в себя и рассказал, что накануне вечером банда хунхузов напала на его стойбище, расположенное выше по реке. Они грабят жилища, насилуют женщин и пытаются мужчин, требуя указать тайники с пушиной. Больше всего Арсеньева беспокоило известие, что руководит бандитами не кто иной, как пристав Ольгинского уезда Савельев. Он тут же велел Чжан-Бао поднимать отряд, чтобы захватить врасплох хунхузов и поймать на месте преступления Савельева.

Они отправились в путь в час ночи, а добрались до стойбища – под проливным дождем – только к рассвету. «В.К. разделил отряд на три части, – читаем в рукописи А.К. Арсеньева, – и бросились с трех сторон в атаку на стойбище. Внезапно напасть на бандитов не удалось. Собаки, почувствовав приближение чужих людей, подняли неистовый лай, но все же в такую погоду хунхузы не ожидали появления в стойбище В.К. и Чжана с отрядом. Спросонья они потащили с собою награбленное имущество, надеясь бежать в тайгу, но очутившись в окружении, бросали в тайге добро, отстреливались, стремились пробиться на большак и бежать в район поселка Сучан. Тем временем Савелька при первом выстреле вскочил на коня и вихрем умчался по дороге в поселок Анучино, и только в тайге около дороги нашли сбитую ветвями его офицерскую фуражку с кокардой» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 11).

В ходе перестрелки отряд уничтожил пять хунхузов. Еще двенадцать сдались после некоторого сопротивления – их отправили в Никольск-Уссурийский под конвоем китайцев из отряда Чжан-Бао. Понимая, что угроза для стойбища не миновала, и хунхузы, сумевшие убежать, могут вернуться и отомстить за убитых товарищей, Арсеньев пытался уговорить орочей объединиться в одну большую семью, чтобы дружно отражать нападения и сопротивляться грабежам, но те, хотя и соглашались с доводами, ссылались на запрет старшин семейств и

шаманов. Они все же послушались совета Арсеньева покинуть стойбище и переселиться на побережье и тут же стали собирать вещи. «Трудно передать, – писал А.К. Арсеньев, – с каким волнением и радостью эти беззащитные люди пожима-ли руки В.К. и от всего сердца благодарили за оказанную помощь... Вскоре их лодки-ульмагды, спрятанные в кустарнике, были спущены на воду. Погрузив стариков, женщин, детей и все имущество, они отправились в путь. В.К. стоял на возвышенном берегу реки и долго грустным взглядом наблюдал за ними, пока их ульмагды не скрылись за поворотом реки» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 12).

На протяжении всего маршрута В.К. Арсеньев наблюдал за жизнью коренных обитателей здешних мест, стараясь освободить их от притеснения китайцев и корейцев, самовольно поселившихся на их земле. Так, в маршруте вдоль Имана (ныне р. Большая Уссурка) Арсеньев побывал во всех ороchonских стойбищах [3, с. 99]. В одном из селений он «собрал китайцев, живущих около инородцев, и предложил им добровольно выехать на родину... Китайцы обещали мне уехать и тотчас же приступили к сборам в дорогу» [3, с. 93]. Заехав в другое стойбище за продовольствием, путешественник осмотрел школу и ученическое общежитие [9, с. 149].

Искал он и следы далекого прошлого, делая топографические съемки всех встречавшихся ему археологических памятников. Так, в 6 км от Кримова ему показали место старинного, давно покинутого поселения, и он произвел там раскопки. В другом месте по указанию Шевелева Арсеньев осмотрел остатки древней крепости, имевшей вид подковы, окруженной глубокими рвами. «Посторонний человек, – вспоминал А.К. Арсеньев, – неискушенный в распознавании памятников старины, не обратил бы на это сооружение особого внимания. С тех пор, когда неведомые строители воздвигали этот оборонительный пункт, прошли столетия. Частые наводнения уничтожили валы. Рвы занесло илом, землю и песком, только в некоторых местах нагромождены были большие кучи плавника и вывороченных с корнями деревьев. Внутренний дворик порос деревьями и кустарниками. На одной стороне его В.К. со студентами пытались произвести раскопку, но на метровой глубине хлынула вода, которая через несколько минут до краев заполнила всю яму. Пришлось ограничиться только фотографированием и описанием этого древнего сооружения...» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 13).

При осмотре окрестностей Арсеньев обнаружил остатки и других оборонительных сооружений, протянувшихся на изрядное расстояние. Описывая археологические находки в одной из заметок для газеты, он делает вывод: «Еще несколько лет, и такие укрепления совсем исчезнут с лица земли. Надо торопиться с их изучением и описанием. Инженеры, техники, топографы, землемеры, чиновники переселенческого управления, священники, учителя, врачи, приставы и начальники уездов, словом, все те лица, которые волею судеб живут не в городах, а по деревням, урочищам и селам, все те, кто бывает в разъездах по краю по делам службы, всегда могут уделить время для этой работы» [3, с. 55].

На подходе к пос. Анучино отряду встретился «высокий плотный мужчина с окладистой черной бородою в кожаной куртке, высоких болотных сапогах и висевшим за спиною маузером», обменявшийся с Владимиром Клавдиевичем крепким рукопожатием. Это был хорошо ему знакомый сторожил поселка краевед П.М. Кулагин, известный своими исследованиями. На его участке рос столетний дуб, на котором Кулагин устроил площадку с листом фанеры. К ней прикреплялся белый картон с липким слоем. Ночью на площадке зажигался фонарь, и на яркий свет слеталось множество насекомых. Наутро хозяин снимал добычу и дополнял коллекции. В определении насекомых ему помогал любитель-энтомолог из Общества изучения Амурского края врач-окулист А.К. Мольтрехт. Он же способствовал продаже коллекций Кулагина в музеи России и Германии [11, с. 77–79].

Узнав о цели экспедиции, Кулагин предложил указать место, где по преданию находился древний буддийский храм. Приближаясь, путники издали услышали шум водопада, а вскоре увидели и его. Вода мощным потоком падала с высокой каменной стены, перегораживающей реку. Внизу она делилась на два русла, между которыми образовался небольшой остров, заросший цветущим кустарником. Кулагин рассказал, что когда-то на этом острове находился храм, сложенный из камня. По преданию, там находилось изваяние Будды, выточенное из какого-то ценного металла. К храму изо всех мест приходили паломники. Они молились и совершали жертвоприношения, а купание в воде у подножия водопада исцеляло от всех недугов. Этот чудесный храм был известен и в Маньчжурии, и Китае, но когда-то в ходе междоусобной войны один из владык северных провинций разрушил его до основания. Кулагин вспомнил и о том, как мальчиком помогал шестерым иностранцам, по словам отца, немцам, которые жили более двух месяцев у водопада, производя раскопки. Александр запомнил слова брата, которые он с горечью произнес после рассказа Кулагина: «Наши царские чиновники иностранцам предоставляют всякие льготы и способствуют расхищению богатств нашего дальневосточного края, а нашим русским предпринимателям после них, как говорят, остаются только рожки да ножки» (АОИАК. Ф. 14 (ВКА). Оп. 2. Д. 61. Л. 14).

Поход к водопаду был последним событием в экспедиции А.К. Арсеньева. С почтой, полученной в Анучино, ему пришло письмо из Переселенческого управления: предлагалось немедленно прибыть во Владивосток для оформления и командирования на землеустроительные работы. Остаться в экспедиции он уже не мог. Попрощавшись с братом и другими спутниками, он верхом на лошади отправился к ближайшей железнодорожной станции. Его сопровождал стрелок Фазылов, откомандированный В.К. Арсеньевым.

Отряд же продолжил маршрут, окончив экспедицию только в январе 1913 г. 29 января Арсеньев отправил телеграмму генерал-губернатору Приамурского края Н.Л. Гондатти: «Доношу Вашему высокопревосходительству: экспедицию закончил. Общую сводку результатов буду телеграфировать особо. Люди отлично работали. Продолжительными переходами по глубокому снегу сильно утом-

лены. Прошу разрешения дать городовой месячный отдых. К составлению отчетов приступил. Капитан Арсеньев» [57].

За десять месяцев экспедиция обследовала огромную территорию – Никольск-Уссурийский, Иманский и Ольгинский уезды Приморской области. Список задержанных и отправленных во Владивосток бандитов и браконьеров включал сотни имен, внушительным было и число уничтоженных таежных браконьерских хижин. Этнографическая коллекция, собранная Арсеньевым в этом походе, включала предметы быта коренных народностей (орочей, тазов, удэгейцев), а также китайцев и корейцев. Часть предметов Арсеньев подарил этнографическому отделу Русского музея и музею Казанского университета. Антропологические материалы (образцы волос местных жителей, измерения, словарь) он отправил специалистам в Москву и Казань. Пополнились также гербарий и зоологическая коллекция. Археологические находки заняли место в Хабаровском музее, некоторые были посланы в дар ученым, с которыми Арсеньев всегда делился материалами, собранными во время путешествий.

Лишь спустя полвека этот поход, носивший секретный характер, был описан в подробностях Александром Клавдиевичем Арсеньевым. Некоторое время после экспедиции он жил в семье брата в Хабаровске. Домашние называли его дядей Шурой вслед за сыном В.К. Арсеньева Волей. Александр женился, и в 1916 г. у супругов родилась дочь Татьяна, но жена при родах скончалась. В течение пяти лет девочка воспитывалась в семье В.К. Арсеньева [4, с. 288]. Переехав во Владивосток, А.К. Арсеньев работал на строительстве Владивостокской крепости в подчинении главного контролера Н.М. Соловьева. Он женился вторично на Вере Яковлевне Жуковской, но в этом браке детей не было [11, с. 20]. Непродолжительно Александр работал в Императорской (Советской) гавани. Что-то, видимо, мешало его карьере: Анна Константиновна Арсеньева вспоминала, что «дядя Шура нуждался, и Володя всегда ему помогал» [4, с. 303].

С 1940-х гг. и до конца жизни А.К. Арсеньев жил в пос. Сибирском Новосибирской области и работал агрономом Купинского овцеводческого совхоза [11, с. 20]. В 1959 г. он посылал прошение в Верховный Совет СССР о реабилитации второй жены брата, Маргариты Николаевны Арсеньевой, погибшей в репрессиях 1938 г., не зная о том, что все обвинения с нее были сняты 27 апреля 1958 г.

Заключение. При незначительном количестве сохранившихся документов об экспедиции 1912–1913 гг., в том числе путевого дневника В.К. Арсеньева, рукопись воспоминаний его младшего брата, Александра Клавдиевича Арсеньева, является важным источником сведений об этом путешествии. Хотя автор участвовал в нем лишь на начальном этапе, рукопись содержит сведения о борьбе с хунхузами и об отношениях между коренным населением Уссурийского края и жителями соседних Китая и Кореи, приходившими нелегально на российскую территорию. Воспоминания сообщают подробности о маршруте и бытовой стороне путешествия, раскрывают некоторые личностные качества В.К. Арсеньева и его спутников, что делает их ценным источником сведений о путешественнике.

Список источников

1. Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы и комментарии. – Владивосток: ДВО РАН, 2007. – 272 с.
2. Арсеньев В.К. Жизнь и приключения в тайге. – Москва: Географгиз, 1957. – 288 с.
3. Арсеньев В.К. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 3, кн. 2. Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1917 гг. / сост.: Н.С. Воробьев, А.В. Колесов. – 2-е изд., испр. и доп. – Владивосток: Рубеж, 2020. – 656 с.
4. Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев: Воспоминания // Рубеж. – 2006. – № 6 (868). – С. 281–333.
5. Бровка П.Ф. Геоморфолог В.К. Арсеньев // Вестник ДВО РАН. – 2017. – № 4. – С. 159–169.
6. Егорчев И.Н. «Согласно личного приказа Вашего превосходительства...». Секретные экспедиции В.К. Арсеньева 1911–1913 гг. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. – 292 с.: ил.
7. Кабанов Н.Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Путешественник и натуралист 1872–1930. – Москва: Изд-во Моск. общества испытателей природы, 1947. – 95 с.
8. Кузьмичев И.С. Писатель Арсеньев: Личность и книги. – Ленинград: Советский писатель, 1977. – 236 с.
9. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. – Москва: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1985. – 344 с. (Русские путешественники и востоковеды).
10. Хисамутдинов А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. – Москва: Наука, 2005. – 224 с.
11. Хисамутдинов А.А. В.К. Арсеньев и близкие ему люди: Портрет эпохи. К 150-летию со дня рождения ученого и путешественника. – Владивосток: ООО «ПСИ95», 2021. – 436 с.
12. Яроцкая Ю.А. Научно-художественное творчество В.К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы». – Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2013. – 170 с.

References

1. Argudyaeva Yu.V. V.K. Arsenyev – traveler and ethnographer. Russian Amur Region and Primorye in the research of V.K. Arsenyev: materials and comments. – Vladivostok: FEO RAS, 2007. – 272 p.
2. Arsenyev V.K. Life and adventures in the taiga. – Moscow: Geography, 1957. – 288 p.
3. Arsenyev V.K. Complete collected works: in 6 tons T. 3, Prince 2. Scientific and practical publications, reports, reports. 1906–1917 / comp. N.S. Vorobyov, A.V. Kolesov. – 2nd ed., Corrected and additional. – Vladivostok: Frontier, 2020. – 656 p.
4. Arsenyeva A. My husband is Volodya Arsenyeva: Memories // Frontier. – 2006. – № 6 (868). – P. 281–333.
5. Brovko P.F. Geomorphologist V.K. Arsenyev // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – № 4. – P. 159–169.
6. Yegorchev I.N. "According to the personal order of Your Excellency...." Secret expeditions of V.K. Arsenyev 1911–1913. – Vladivostok: Far Eastern Federal Federal University, 2014. – 292 p.: il.
7. Kabanov N.E. Vladimir Klavdievich Arsenyev. Traveler and naturalist 1872–1930. – Moscow: Publishing House Mosk. Society of Nature Testers, 1947. – 95 p.

8. Kuzmichev I.S. *Writer Arsenyev: Personality and books.* – Leningrad: Soviet Pisotel, 1977. – 236 p.
9. Tarasova A.I. *Vladimir Klavdievich Arsenyev.* – Moscow: Ch. Editorial Board of Oriental Literature, Nauka, 1985. – 344 p. (Russian travelers and orientalists).
10. Khisamutdinov A.A. *Vladimir Klavdievich Arsenyev. 1872–1930.* – Moscow: Science, 2005. – 224 p.
11. Khisamutdinov A.A. *V.K. Arseniev and people close to him: Portrait of the era. To the 150th anniversary of the birth of a scientist and traveler.* – Vladivostok: LLC PSP95, 2021. – 436 p.
12. Yarotskaya Yu.A. *Scientific and artistic work of V.K. Arsenyev in the context of the development of Russian "geographical prose.* – Vladivostok: Dalnevost. feder. un-t, 2013. – 170 p.

Информация об авторе:

Хисамутдинова Наталья Владимировна, д-р ист. наук, профессор, Институт иностранных языков ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4536-20836>

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-1/152-165>

Дата поступления:
08.02.2022

Одобрена после рецензирования:
09.02.2022

Принята к публикации:
14.02.2022